

«С ХОРОШИМ ЗРИТЕЛЕМ — КАК С ХОРОШИМ СОБЕСЕДНИКОМ»

ИНТЕРВЬЮ
С АКТЕРОМ ПЕРЕД
ВЫХОДОМ НА СЦЕНУ

На ступенях, ведущих к входу в Тбилисский русский театр юного зрителя имени Ленинского комсомола, шумной ватагой толпятся подростки. Так бывает всегда, когда идет спектакль «Бумбараш». Может быть, это связано с тем, что «Бумбараш», как говорится, «нашумевший» спектакль. О нем писали, говорили — все-таки первая премия на Всесоюзном смотре. Критикой отмечалось интересное режиссерское решение, сценография, актерский ансамбль. Особенно выделяли исполнителя роли Бумбараша — Евгения Басилашвили.

Мы встретились с ним перед началом спектакля.

— Скажите, пожалуйста, вы любите этот спектакль?

— Безусловно. Приятно играть в таком стремительном, насыщенном действии, музыкой, ритмом спектакля. И я люблю роль Бумбараша, мне интересен мой герой, развитие и формирование его характера. В самом начале это человек, который хотел жить только для себя. Он не понимал, что нельзя отгородиться от жизни, событий, тем более таких, как гражданская война. Только потом, через потери, боль, смерть любимой он пришел к осознанию себя, понял, что в жизни надо быть с кем-то или против кого-то.

— В программе спектакля указано, что это мюзикл. Вам, драматическо-

му актеру, сложно было справиться с этой необычной формой? И что в процессе работы было приятное и трудное?

— По-моему, были одни трудности. И главная из них — пение. На протяжении всего действия Бумбараш должен петь. А я не умею. Никогда не пел, ни для себя, ни даже за праздничным столом. Сначала я отказался от роли. Мне сказали: «Ну, покажи, как ты не умеешь петь». Я показал. Тогда мне сказали: «Не притворяйся. Будешь играть Бумбараша». Но чего мне это стоило!

— Но ведь совсем не обязательно выпевать каждую ноту, как в опере.

— Да, конечно, главное — смысловая передача действия. И все равно на каждом спектакле приходится искать ту золотую середину между «не могу петь» и «все-таки надо петь». Есть и другая трудность в спектакле — он требует большой физической отдачи. Режиссерское построение мизансцен предполагает у актера ловкость, быстроту реакции. Я и сейчас, когда уже все отработано, ухожу с каждого спектакля измученный. А что говорить о репетициях! Однажды мы проходили сцену Бумбараша с Рыжим командиром. Рыжий должен несколько раз замахать саблей на Бумбараша, а тот — быстро отскочить. Один раз я не успел увернуться, мне рассекли бровь. Сгорая я боли не

почувствовал. Залепил рану пластырем, продолжал репетировать. А пришел домой, посмотрел на свою бровь — и в больницу. Там привели меня в хирургическую. Посередине, как полагается, операционный стол. Вот тут я чуть в обморок не упал. Все-таки пришлось на него лечь, и мне благополучно наложили четыре шва.

— Надеюсь, кроме неприятных воспоминаний, есть и другие?

— Да, конечно. Работать с режиссером А. Шапиро было необычайно увлекательно для меня и как актера и как режиссера.

— Вот вы упомянули сейчас о своей второй профессии — режиссуре.

— Всякий актер — не много режиссер. С каждой новой ролью рос во мне интерес к режиссуре. Постепенно это вылилось в твердое решение. И шесть

лет спустя после окончания студии при ТЮЗе я поступил на режиссерский факультет Грузинского театрального института. Учился на дневном отделении и продолжал играть в театре. Студенческие годы вспоминаю как самое радостное время, хотя ни минуты не было свободной. Три года назад я получил диплом режиссера. Сейчас ставлю спектакли и продолжаю играть.

— Не хотите выбрать что-то одно?

— Нет. Я не могу бросить играть. И потом то и другое — счастье. Только разные виды счастья. Получается, что у меня больше возможностей быть счастливым.

— Тогда вам можно позавидовать. А кроме театра, что вас еще увлекает или делает счастливым?

— Рыбалку люблю. Но рыбалка — это редко. А вообще все свободное время читаю. Но отдыхать за книгой не приходится. Читаешь всегда с прицелом — вот это может пригодиться для той пьесы, это — для другой.

— Какую из своих постановок считаете более удачной?

— Трудно сказать, это зависит от мерки, с какой подходить — судить по успеху у зрителя или по собственному ощущению от проделанной работы. Ведь иногда удачный для зрителя спектакль сам не воспринимается как победу. Пожалуй, наибольшее

удовлетворение и по процессу работы с актерами, и по результату мне принесла недавняя постановка пьесы А. Хмелика и М. Шатрова «Дождь лил, как из ведра».

— Скажите, как складывается у вас, как актера, общение с тюзовским зрителем?

— Со зрителем, как с человеком, с хорошим — легко, с плохим — трудно. Обычно, еще стоя за кулисами, уже знаешь, какой будет зритель. Иногда идешь на сцену, как на бой, всем существом ощущаешь жесткую стену равнодушия, нежелания или неумения сопереживать. Тогда остается досада, жаль такого зрителя, жаль спектакль. Вспоминаются слова одного режиссера: «Надо спасать спектакль от зрителя». То есть при любых обстоятельствах не позволять себе что-то не доделывать, играть не в полную силу. Но если чувствуешь, что тебя понимают, подхватывают твою мысль, переживают твоё чувство — всего себя готов отдать. Ведь с хорошим зрителем, как с хорошим собеседником завязывается разговор, от которого становятся богаче и актеры, и зрители.

— Над какой новой ролью вы сейчас работаете?

— Готовлю роль Павки Корчагина в спектакле «Драматическая песня» Б. Равенских и М. Анчарова. Это, в какой-то степени, продолжение темы Бумбараша. В новом спектакле продолжается не только тема, но и мое музыкальное образование — здесь я должен научиться играть на гармонике.

Беседу вела
В. МАКАРОВА-ЦЕРЕТЕЛИ.